Оглавление

Введение.....5

Глава 1. Исторические предпосылки «закона рынков Сэя» и его сущностные аспекты в творчестве Ж.-Б. Сэя 9

1.1. Основные направления и тенденции развития экономической науки в период промышленного переворота 9

1.2. Жан-Батист Сэй: жизненный путь и творческая биография.....24

1.3. Теоретико-методологическая аргументация сущности «закона рынков Сэя» в «Трактате по политической экономии».....31

Глава 2. Особенности отражения «закона рынков Сэя» в докейнсианском периоде в экономическом учении приверженцев и противников этого «закона» 40

2.1. Позитивные версии интерпретации «закона рынков Сэя» лидерами и последователями классической политической экономии 40

2.2. Проявление приверженности «закону рынков Сэя» в творчестве представителей субъективно-психологического направления и раннего неоклассицизма 57

2.3. Критическое восприятие «закона рынков Сэя» в творчестве противников доктрины laissez faire в докейнсианском периоде и в марксистском учении.....65

Глава 3. Оценки места и роли «закона рынков Сэя» в современной отечественной и зарубежной экономической литературе 80

3.1. Особенности оценок «закона рынков Сэя» в советской и постсоветской экономической литературе 80

3.2. Альтернативные оценки «закона рынков Сэя» в сочинениях зарубежных ученых-экономистов и историков экономической мысли современности 90
Заключение 109
Приложение. Биографические сведения ряда выдающихся экономистов 116
Список использованных источников и литературы 179

Введение

В наступившем в начале XIX века постмануфактурном (постсмитианском) периоде сложились конкретно исторические предпосылки, обусловившие особый интерес ученых-экономистов к изучению такой вновь возникшей проблематики, как необходимость сохранения и поддержания в экономике конкурентной среды и равновесия между совокупным спросом и совокупным предложением и обеспечения, тем самым, ее бескризисного функционирования. Существенную лепту в осмысление данной проблематики внес один из выдающихся французских классиков-экономистов Жан-Батист Сэй, предложивший в своем «Трактате политической экономии» (1803) весьма неординарную, базирующуюся на принципах laissez faire, концепцию макроэкономического равновесия.[1] И эту концепцию в экономической литературе стали именовать, как известно, «законом рынков Сэя».

В то же время теория Сэя состоит в том, что в общественном производстве взаимодействуют три главных фактора: труд, земля и капитал. При этом степень участия каждого из факторов в создании стоимости товаров и доходов общества зависит от того, кто из трех классов – рабочие, капиталисты или землевладельцы – владеют соответствующим фактором. Сэй считал, что в условиях свободной рыночной экономики будет достигнуто наиболее эффективное взаимодействие этих факторов и отношения между классами будут гармоничными[2].

Однако, вплоть до 30-х годов XX века сэевский «закон» сопровождали диаметрально противоположные оценки представителей альтернативных школ и направлений экономической мысли. В частности, представители мейнстрима докейнсианского научного экономического сообщества – от классиков до

---

[1] Сэй Ж.-Б., Бастиа Ф. Трактат по политической экономии / Ж.-Б. Сэй; Экономические софизмы. Экономические гармонии /Ф. Бастиа – М.: Дело, 2000. – 232 с.

[2] Шапиро С. А., Равикович Н. Е. Сколько стоит труд? М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 74.

неоклассиков – воспринимали его в качестве основополагающего признака, по которому, говоря словами Дж. К. Гэлбрейта, «экономисты отличались от дураков»[1]. А их оппоненты – приверженцы экономического романтизма, утопического социализма и марксистского учения – категорически отвергали этот «закон», полагая, что он, постулируя идеи саморегулируемости экономики, нарочито уводит исследователя от признания возможности не только частных, но и общих экономических кризисов.

Между тем как адептов, так и противников «закона рынков Сэя» на всем протяжении XIX – начала XX веков объединяет то, что и те, и другие, соответственно, разделяя либо отвергая сэевский «закон», существенно продвинули политэкономические изыскания и обогатили теоретико-методологические основания экономической науки в области проблематики общего экономического равновесия, способствуя тем самым формированию современной интерпретации теории экономических циклов. Поэтому едва ли оправдана столь расхожая среди экономистов прошлого и современности характеристика «закона рынков Сэя» как некая тривиальная и малозначительная концепция всего докейнсианского периода в эволюции теоретической экономики.

Следовательно, для того, чтобы дать объективную оценку места и роли «закона рынков Сэя» на этапе безусловного доминирования в истории экономической науки принципов laissez faire (т. е. принципов невмешательства государства в экономику), настоятельно необходимо осуществление комплексного историко-экономического анализа вопросов, которые в реальной действительности затрагивает этот «закон».

Цель данной монографии заключается в проведении историко-экономического анализа многообразных версий толкования «закона рынков Сэя» в творчестве ученых-экономистов XIX – начала XX веков и определении места и роли этого «закона» в эволюции экономической науки в прошлом и настоя-

---

[1] Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. В кн.: Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. С. 362.

щем. В соответствии с этим в рамках данной монографии были решены следующие задачи:

1) раскрыты исторические предпосылки, обусловившие возникновение в постмануфактурном периоде развития экономической науки «закона рынков Сэя»;

2) проанализированы и обобщены сущностные аспекты концепции сбыта в «Трактате политической экономии» Ж.-Б. Сэя, получившей в экономической литературе название «закон рынков Сэя»;

3) изучены особенности позитивных версий интерпретации «закона рынков Сэя» в трудах либеральных ученых-экономистов XIX – начала XX веков;

4) выявлена взаимосвязь теоретико-методологических и реформаторских нововведений экономистов-романтиков и социалистов-утопистов с их критическим восприятием «закона рынков Сэя»;

5) показан доказательный характер критики «закона рынков Сэя» К. Марксом при разработке им теории расширенного (интенсивного) воспроизводства и положений о циклической природе экономических кризисов;

6) обосновано положение о том, что приверженцы марксистского учения докейнсианского периода скорее принимали, чем не принимали, сэевский «закон» в связи с их убежденностью в том, что участие государства в преодолении экономических кризисов нецелесообразно;

7) определены особенности оценок «закона рынков Сэя» в современной отечественной и зарубежной экономической литературе и проведен их сравнительный анализ;

8) обосновано, что в реальной действительности сэевский «закон» следует рассматривать и воспринимать не как «тождество Сэя» и феномен бартерной экономики, а как «равенство Сэя» и феномен функционирования денежных рынков.

Основой для создания данной монографии послужили фундаментальные труды видных отечественных и зарубежных авторов, в которых рассматриваются соответствующие аспекты исследуемой проблематики.

Приращение научного знания в области экономической мысли, разработанное в данной монографии, состоит в том, что посредством ретроспективного анализа «закона рынков Сэя» в экономической науке XIX – начала XX веков выявлены вновь введенные в научный оборот адептами и противниками этого «закона» теоретико-методологические и реформаторские положения, способствовавшие ее качественному обновлению и возникновению современных концепций общего экономического равновесия и экономических циклов.

Глава 1
Исторические предпосылки «закона рынков Сэя» и его сущностные аспекты в творчестве Ж.-Б. Сэя

1.1. Основные направления и тенденции развития экономической науки в период промышленного переворота

Радикальную перестройку организационно-экономического механизма и производства, сопровождавшуюся на всем протяжении XIX века в различных странах мира принципиально новыми и важными социально-экономическими последствиями, в истории экономики называют, как правило, переходом к индустриальной системе хозяйствования или, что одно и то же, промышленным переворотом (промышленной революцией). Основными проявлениями этого перехода, ознаменовавшего окончательное утверждение приоритетной роли в хозяйственной жизни рыночных экономических отношений и принципов laissez faire, являются:

– замена (вытеснение) ручного труда механизированным (машинным), а мануфактур – заводами и фабриками, использующими такие технологии и машины, которые позволяют существенно увеличить выпуск товарной продукции при многократном ее удешевлении;

– опережение масштабов и темпов промышленного производства по сравнению с сельским хозяйством;

– всемерное развитие в аграрном секторе экономики фермерского типа хозяйствования;

– завершение дифференциации (расслоения) общества на собственников капитала и предпринимателей в различных сферах экономики, с одной стороны, и на наемных работников – с другой;

– усиление хаоса и анархии в процессе производства товаров и услуг, сопровождающегося жесткой конкурентной борьбой и периодическими (усиливающимися от раза к разу) экономическими кризисами.

Неизбежность промышленного переворота исторически была обусловлена тем, что во второй половине XVIII века в Англии, Франции и других наиболее развитых странах того времени мануфактурная промышленность достигла, можно сказать, своего апогея. Поступательное и эффективное экономическое развитие этих стран стали сдерживать возможности техники, приводимой в действие исключительно ручным трудом.

В этих условиях растущий спрос на внутреннем и внешнем рынках стал побудительным мотивом для организации промышленного производства на новой основе, позволяющей и организационно и технически осуществлять выпуск стандартизированной товарной продукции посредством механизмов и машин.

Процесс разработки и изобретения машин, механизмов и прочих технических нововведений и их последующее внедрение, охватив, к примеру, в Англии, практически всю вторую половину XVIII и начало XIX столетий, убедительно свидетельствовал о том, что успех его реализации невозможен без хозяйственной инициативы и либерализации экономики. Одновременно всемерный переход к машинному производству способствовал не только удешевлению товарной продукции, производимой на заводах, фабриках и в фермерских хозяйствах, но и снижению цены труда наемных рабочих. Это, в свою очередь, обусловило возникновение еще более дешевого труда – труда женщин и детей, работа которых «при машине не требовала прежнего мастерства» и поэтому вела «к снижению заработной платы»[1].

Таким образом, промышленный переворот и связанные с ним технические и технологические нововведения на рубеже XVIII–XIX столетий существенным образом повлияли на организацию бизнеса и предпринимательской деятельности с использованием машин и механизмов и практической реализацией научно-технических и естественно-научных знаний.

---

[1] Конотопов М. В., Сметанин С. И. История экономики. М.: Академический Проект, Изд-во научно-образовательной литературы РЭА, 1999. С. 125.

С промышленным переворотом тесно связаны и изменения в области экономической политики на уровне государства, учитывая, что отныне члены правительств стали отвергать приоритетную роль протекционистских принципов экономической политики, всемерно приветствуя политику экономического либерализма и особенно фритредерства.

Вместе с тем выработка новой – либеральной – экономической политики в период промышленного переворота происходила в условиях острого и бескомпромиссного противоборства между приверженцами принципов laissez faire и сторонниками сохранения протекционистских мер государства в экономике. Особенно ярко и многогранно это противоборство проявило себя в первой половине XIX века в Англии и Франции (в частности, в первой из них промышленный переворот вступил в заключительную стадию уже в первой трети XIX столетия, а во второй – в середине того же столетия)[1]. Именно эти страны (экономика которых ранее всех других стран мира прошла исторический путь перехода на рыночные принципы хозяйствования) и весь цикл процесса технических и технологических новаций, получивших название «промышленный переворот», положили начало альтернативным направлениям и тенденциям в развитии экономической науки на всем протяжении периода, характеризуемого ныне еще и как постмануфактурный период.

Дело в том, что та новая социально-экономическая среда, которая сложилась в постмануфактурном периоде в Англии и Франции, явившихся пионерами процесса промышленного переворота, отразилась, с одной стороны, на том, что по уровню экономического потенциала эти страны вышли соответственно на первое и второе места в мире. Но с другой стороны, научная экономическая мысль «за» и «против» политики экономического либерализма (как и «за» и «против» протекционистской экономической политики) впервые достаточно остро и многообразно проявила себя в этом периоде – особенно начиная с первой половины XIX века – опять же в Англии и во Франции.

---

[1] История экономики / Под общей ред. проф. О. Д. Кузнецовой и проф. И. Н. Шапкина. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 144, 164.

Иными словами, периоду зарождения классической политической экономии ставшей альтернативой меркантилизму в мануфактурном периоде исторически были характерны, прежде всего, англо-французское лидерство в области социально-экономического развития и представленность «классической школы» преимущественно учеными-экономистами из Англии и Франции. Но и в период промышленного переворота новые тенденции, связанные с фабрично-заводским производством и появлением новых – альтернативных уже классической политической экономии – направлений, вновь стали возможными благодаря научным изысканиям новой плеяды исследователей этих же стран.

Сказанное подтверждается, в частности, тем, что период промышленного переворота стал благодатной почвой для переосмысления многих методологических и теоретических положений, присущих раннему (мануфактурному) периоду в развитии классической политической экономии, ассоциировавшемуся главным образом с именем и творчеством автора «Богатства народов» (1776) Адама Смита. Причем задачу – переосмыслить и популяризировать основополагающие постулаты смитианского экономического учения – поставили перед собой в качестве первостепенной практически все его убежденные последователи, продолжившие либеральные традиции своего учителя и кумира, как, например, Д. Рикардо, Т. Мальтус, Н. Сениор, Дж. С. Милль и другие экономисты в Англии и Ж.-Б. Сэй, Ф. Бастиа и другие экономисты во Франции. Но и идейные противники «невидимой руки» А. Смита выступили во многом со справедливой и обоснованной критикой либеральной – на принципах laissez faire – идеологии в экономической науке и практике хозяйствования, положив начало новым – нелиберальным направлениям экономической мысли, имея в виду экономический романтизм и утопический социализм в творчестве их родоначальников (соответственно французские исследователи С. Сисмонди и П. Прудон – из числа экономистов-романтиков; Р. Оуэн, Т. Годскин, У. Томпсон, Дж. Брей – из числа английских и К.-А. Сен-Симон, Ш. Фурье и другие – французских социалистов-утопистов).

Сосуществование в постмануфактурном периоде одновременно классической политической экономии и вновь возникших альтернативных направлений экономической мысли (экономический романтизм и утопический социализм) способствовало многочисленным спорам и дискуссиям и выдвижению многообразных, в том числе новых, методологических положений и версий интерпретации теорий стоимости, денег, доходов, воспроизводства и т. д. В связи с этим важно отметить, что сложившееся в период промышленного переворота «разномыслие» имело место как между представителями альтернативных направлений экономической науки, так и между учеными-экономистами, представлявшими конкретно взятое направление.

В частности, в методологическом плане творчество «классиков» и их противников на всем протяжении постмануфактурного периода сопровождали споры и дискуссии о том, «движется ли экономика к долгосрочному равновесию, при котором достигается полная занятость, спонтанно, или необходимо государственное вмешательство»[1]. При этом первые во главу угла ставили положение об обусловленности экономического развития исключительно «объективными законами», которым надлежит следовать в хозяйственной жизни, изучая такую науку, как политическая экономия. Вторые же, отвергая подобного рода постулаты, считали настоятельно необходимым трактовать основания политической экономии как моральной и нравственной науки; с их точки зрения, именно политическая экономия выявляет целесообразность вмешательства в хозяйственную жизнь «извне», поскольку экономикой движут наряду с «законами» экономическими еще и неэкономические факторы и предпосылки.

Согласно методологическим позициям смитианцев периода промышленного переворота, все люди «рациональны» по определению, а исследуемые политической экономией экономические законы эмпирически неопровержимы какими-либо оспариваемыми их объективную сущность утверждениями. Это

---

[1] Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д. Экономика. М.: «Бином», «Лаборатория базовых знаний», 1997. С. 638–639.

очевидно, к примеру, в связи с сентенцией Д. Рикардо о том, что «главная задача политической экономии», по его убеждению, состоит в том, чтобы «определить законы, которые управляют этим распределением (доходов. – *В. О.*)»[1]. О некоем «законе» экономики размышляет и Дж. С. Милль, безапелляционно заявивший некогда буквально следующее: «К счастью в законах стоимости нет ничего, что осталось бы выяснить современному (1848) или будущему автору; теория этого предмета является завершенной»[2].

Между тем принцип приоритетного значения в теоретико-методологическом инструментарии классической политической экономии «законов» оказался настолько притягательным, что впоследствии, как отмечает М. Блауг, стало возможным признать[3]:

1. История экономической науки изобилует экономическими законами с большой буквы: Закон Грэшема, Закон Сэя, Закон Энгеля, Законы спроса и предложения, Закон убывающей отдачи, Закон убывающей предельной полезности и т. д.

2. Термин закон … постепенно приобрел несколько старомодное значение, и сейчас экономисты предпочитают называть свои излюбленные общие утверждения скорее «теоремами», чем законами.

3. …если под законами мы понимаем хорошо подкрепленные, универсальные взаимосвязи между событиями или классом событий, выведенные из прошедших независимую проверку начальных условий, немногие современные экономисты стали бы утверждать, что на сегодняшний день экономическая наука произвела на свет больше одного или двух законов.

---

[1] Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Антология экономической классики. М.: МП «Эконов», «КЛЮЧ», 1993. С. 399.

[2] Цит. по: Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 44.

[3] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. С. 227.

Во многом схожее положение на данный счет высказывает и П. Самуэльсон, памятуя о том, что многолетний опыт научил его «как коварны бывают экономические «законы» в экономической жизни, например, закон Боули…; закон Лонга…; закон Парето…; закон Денисона…; закон Колина…; закон Модильяни…; закон Маркса… Если все это – законы, то, – заключает он, – Мать природа прирожденная преступница»[1].

Через призму экономических «законов» в период промышленного переворота смитианские приверженцы принципов laissez faire дискутировали между собой в связи сущностным содержанием практически всех теоретических положений политической экономии той поры. В отношении теории стоимости, к примеру, «классики» разделились, с одной стороны, на последователей трудовой версии этой теории в смитовском «Богатстве народов» (это относится к Д. Рикардо, Дж. С. Миллю, К. Марксу и др.), а с другой, – последователей видения природы происхождения стоимости через концепцию издержек производства (это относится к Ж.-Б. Сэю, Т. Мальтусу, Ф. Бастиа и др.). Двойственная позиция в области теории стоимости в конечном счете предопределила то, что «последователи Смита – Рикардо стали усматривать происхождение прибыли и ренты как вычет из стоимости труда рабочих, в эксплуатации труда капиталом и антагонизме классов. А последователи Сэя – Мальтуса, также считавшие себя смитианцами, и стоимость товара, и доходы классов общества увидели в совместном труде и мирном сотрудничестве представителей этих классов»[2].

В свою очередь отторжение принципов laissez faire, свойственное возникшим в постмануфактурном периоде нелиберальным направлениям экономической мысли, явилось решающей предпосылкой для споров и критического переосмысления предмета, метода и теоретических положений «классической школы» как лидерами экономического романтизма, так

---

[1] Цит. по: Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. С. 227.

[2] Ядгаров Я. С. История экономических учений: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 146.

и утопического социализма. Причем характерной особенностью возникших в их творчестве теоретико-методологических нововведений так же, как и в творчестве «классиков», явилось постулирование некими объективными законами. Например, родоначальник экономического романтизма С. Сисмонди, наперекор «Началам» (1817) Д. Рикардо, назвавший свое главное сочинение «Новые начала политической экономии» (1819), недвусмысленно заявлял в этой книге, что и он (подобно Д. Рикардо, Ж.-Б. Сэю и другим смитианцам) симпатизирует «принципам Адама Смита», но что одновременно с этим исходит из того, что[1]:

– рост богатства является не целью политической экономии, а лишь средством для обеспечения всеобщего счастья;

– само по себе увеличение богатства и населения есть лишь абстракция.

Отсюда, согласно С. Сисмонди, «законом» экономического развития следует признать не смитовское положение о саморегулируемости экономики в условиях совершенной конкуренции, из-за чего политическая экономия «кажется оторванной от всякой практики»[2], а «вмешательство власти в дело регулирования богатства»[3] с тем, чтобы, принимая этот закон и следуя ему, обеспечить «бедняку …гарантии против всеобщей конкуренции»[4].

По-другому, а по сути, критически интерпретирует С. Сисмонди ряд других «законов», ставших достоянием политической экономии с выходом в свет смитовского «Богатства народов». Так, автор «Новых начал», на первый взгляд, признает в духе А. Смита, что результаты производительного труда закрепляются в «новом предмете обмена», а непроизводительного – являют собой «труд и наслаждение», которые «не могут

---

[1] Сисмонди Ж. С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. Москва. Государственное социально-экономическое издательство, 1937. Т. 1. С. 134, 143.

[2] Там же. С. 169.

[3] Там же. С. 133.

[4] Там же. С. 181.

быть накоплены»[1]. Однако, вполне справедливо отвергая данный смитианский «закон», который доминировал в экономических разработках либеральных экономистов периода промышленного переворота, С. Сисмонди поясняет, что в условиях фабрично-заводского производства и господства принципов laissez faire безграничное увеличение производительности труда приводит, с его точки зрения, к тому, что [2]:

– увеличивается роскошь и наслаждение праздных богачей;

– чем больше трудятся одни, тем больше роскошествуют другие.

Здесь, по всей видимости, уместно отметить, что, безотносительно к различиям в осмыслении «закона» производительного и непроизводительного труда в трудах либеральных и нелиберальных экономистов в постмануфактурном периоде, в самом деле «разграничение производительного и непроизводительного труда, введенное Смитом, – это, пожалуй, одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли»[3].

Подобно «закону» о производительном и непроизводительном труде, нелиберальные экономисты «признают», но не абсолютизируют и так называемый «закон» чистой (совершенной) конкуренции. П. Прудон, к примеру, призывает «классиков», как и всех других современных ему экономистов, понять, что в рамках политической экономии исследователям следует вести речь «вовсе не об уничтожении конкуренции», ибо это, на его взгляд, равносильно «уничтожению свободы», а следует исходить из принципа, который он формулирует так: «найти равновесие, и я бы охотно сказал даже: регулирование (конкуренции)»[4]. Как и С. Сисмонди, П. Прудон не приемлет, кроме того, мальтусовский «закон», положенный «классиками» в постмануфактурном

---

[1] Сисмонди Ж. С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. Москва. Государственное социально-экономическое издательство, 1937. Т. 1. С. 166, 174.

[2] Там же. С. 181.

[3] Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: «Дело Лтд», 1994. С. 48.

[4] Цит. по: Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» П. Прудона. М.: Госполитиздат, 1941. С. 123.

периоде в основу теоретических размышлений по проблематике народонаселения в ее взаимосвязи с проблематикой экономического роста. Возражая Т. Мальтусу, П. Прудон, в частности, заявляет о другой объективной, на его взгляд, закономерности, в соответствии с которой[1]:

1) продукты человеческого труда могут приращиваться как квадраты числа работников;

2) в перспективе человечество может рассчитывать не на замедление, а на ускорение роста производительных сил.

Острый и принципиальный спор развернулся в период промышленного переворота между «классиками» и их противниками по поводу места и роли в политической экономии смитовской «невидимой руки» – методологической концепции, в соответствии с которой предполагается такое соотношение во взаимодействии хозяйствующих субъектов и государства, когда последнее, не противодействуя объективным экономическим законам, не вмешивается в процесс «естественного», то есть свободного функционирования рыночного механизма[2]. Интерпретация и осмысление этой концепции в творчестве Ж.-Б. Сэя (о ней более подробно и обстоятельно речь пойдет в последующих разделах монографии) были восприняты смитианцами как еще один несомненный и, разумеется, объективный «закон» экономики и политической экономии, который впоследствии даже стал именоваться с указанием его фамилии, то есть как «закон рынков Сэя» или еще проще – «закон Сэя». Однако и этот, как говорится, либеральный закон классической политической экономии отвергался ее оппонентами, особенно представителями возникшего в постмануфактурном периоде экономического учения соответственно экономистов-романтиков и социалистов-утопистов.

Центральное положение вышеупомянутой смитовской «невидимой руки», как и ее, без преувеличения, оригинальная интерпретация в рамках «закона Сэя», сводится не просто к идее

---

[1] См.: Туган-Барановский М. И. П. Ж. Прудон. Его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк. СПб. 1891. С. 38.

[2] Ядгаров Я. С. История экономических учений. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 466.

автоматической саморегулируемости экономики свободной конкуренции и невозможности apriori экономических кризисов. Однако, поскольку все «законы», в том числе «закон Сэя», расценивались «классиками» как некая объективная данность, не требующая особой (доказательной) аргументации, постольку в их творчестве всю совокупность, так сказать, экономических законов принято было относить к одной из методологических составляющих научной парадигмы классической политической экономии. В частности, столь же бесспорными (априорными) составляющими (элементами) методологии «классиков» еще со времен А. Смита либеральными экономистами стали признаваться и классовый метод анализа, и затратный метод выявления происхождения стоимости, и приоритет каузального метода перед эмпирическим методом, и приоритет сферы производства перед сферой обращения, то есть все то, что лишь на рубеже XIX и XX столетий со всей убедительностью смогли опровергнуть приверженцы соответственно маржиналистской и институционалистской методологической парадигмы в экономической науке.

Но, несмотря на априорный характер сентенций «классиков» о саморегулируемости и бескризисном развитии экономики на принципах laissez faire, их оппоненты в спорах и дискуссиях выдвинули немало убедительных доводов о неправомерности подобного рода упрощенных суждений. Так, уже в 1819 году в «Новых началах» С. Сисмонди, в противовес А. Смиту и Д. Рикардо, дается обоснование положения о том, что совокупный спрос в условиях экономики свободной конкуренции может оказаться ниже уровня совокупного предложения из-за необратимости процесса постепенного сужения внутреннего рынка, на котором доминирует фабрично-заводское производство в промышленной сфере и фермерское производство в сельском хозяйстве. Тем самым этот родоначальник экономического романтизма более чем на 100 лет предвосхитил знаменитую концепцию «эффективного спроса» Дж. М. Кейнса, показав, в частности, что господство либеральных принципов хозяйствования приводит «повсюду к превышению спроса производством», вследствие чего совокупное производство,

«быстро опережая потребление, …порождает жестокие бедствия»[1].

Продолживший традиции критического отношения к либеральным ценностям классической политической экономии с позиций целесообразности в хозяйственной жизни малых форм предпринимательской деятельности (и собственности) П. Прудон, как и С. Сисмонди, ратует за то, чтобы предотвратить неизбежное сужение внутреннего рынка, не полагаясь на так называемые принципы саморегулируемости хозяйственного механизма и не считая, как это следовало из учения Сэя – Рикардо, что кризисные явления в условиях экономики свободной конкуренции носят, якобы, случайный, временный и автоматически преходящий характер. Но, в отличие от С. Сисмонди, основные задачи (и предмет) политической экономии он видит не в том, чтобы обосновать определяющую роль государства в управлении «народным богатством» посредством более «справедливой» организации им производства и содействия росту материального благосостояния людей, то есть проведения социально-экономических реформ «сверху», а путем решения многообразных задач по организации обмена и потребления самими трудящимися, то есть благодаря их саморганизации и осуществления реформаторских преобразований «снизу». В его сочинениях, таких как: «Что такое собственность» (1840), «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (1846) и других, вплоть до наших дней не утратили свою научную ценность положения о значимой роли в проведении реформаторских преобразований благодаря непосредственной инициативе так называемого «человеческого фактора» и определяющему вкладу в экономику тех слоев трудящихся, которые ныне принято относить к «среднему классу» и которые обеспечивают своей повседневной деятельностью в малых формах бизнеса (предпринимательства) социальную направленность хозяйственной жизни.

---

[1] Сисмонди Ж. С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. Москва. Государственное социально-экономическое издательство, 1937. Т. 1. С. 314, 317.

Кроме того, как очевидно из антикризисных программ ряда стран мира, в том числе США, Великобритании, Японии и других, как в 30-е годы XX века, так и особенно в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов, в качестве важнейшей меры стабилизации и оздоровления национальных экономик активно используется прудоновское, по сути, положение о введении (установлении) дарового, то есть беспроцентного кредита. В частности, на пике кризисного спада ключевых социально-экономических показателей в самом начале 2009 года межбанковский процент кредитования коммерческих банков в США был, как известно, установлен на уровне от 0 до 0,25 процента.

Не менее именитые оппоненты либерального экономического учения классической политической экономии из числа социалистов-утопистов эпохи промышленного переворота особенно в лице англичанина Р. Оуэна и французов К.-А. Сен-Симона и Ш. Фурье, анализируя главную причину монополизации хозяйственной жизни и экономических кризисов, обусловленных недопотреблением трудящихся, также выдвигали свое концептуальное видение модели идеального общества, отличающейся и от модели хозяйствования на принципах laissez faire «классиков», и от модели социально ориентированного мелкотоварного хозяйствования экономистов-романтиков. Социалисты-утописты первой половины XIX века идеализировали, в свою очередь, такую идеальную модель социально-экономического устройства общества, в котором будут изжиты пережитки индивидуализма и абсолютизации частной собственности и возобладают принципы социальной справедливости на основе коллективизма (включая объединение трудящихся в коллективные организации) посредством проведения реформ «сверху» (по версии К.-А. Сен-Симона) либо «снизу» (по версии Р. Оуэна и Ш. Фурье).

В частности, согласно концепции бескризисного – «разумного устройства общества» Р. Оуэна, трудящимся предстоит повсеместно осуществить ненасильственный «переворот» с тем, чтобы земля и средства производства получили бы статус общественной собственности, которая бы «служила единственным

источником доходов» и обусловливала всем трудящимся «разумные условия»[1].

Не разделял в своем творчестве идей революционных (насильственных) потрясений и К.-А. Сен-Симон. Но в проектируемом им идеальном обществе с бескризисной экономикой частную собственность, в отличие от Р. Оуэна, все же не предполагается исключать полностью, учитывая в числе прочего и то обстоятельство, что составляющие по своей численности более 24/25 нации, «промышленники» – от земледельцев, слесарей, столяров и фабрикантов до купцов, матросов и извозчиков – не только «производят все богатства» и «владеют денежными средствами», но и «превосходят других в умственном отношении»[2]. А «непромышленные классы» в лице «дворян и буржуа» – это, по Сен-Симону, те, кто повинны в социальной несправедливости в обществе и нестабильности экономического роста, являют собой пережитки «феодальной системы», но которых до поры до времени «промышленники должны содержать»[3].

Наконец, Ш. Фурье, отвергая пропагандируемый «классиками» принцип саморегулируемости экономики свободной конкуренции, создание собственной идеальной модели общества и хозяйствования на принципах социальной справедливости в решающей степени увязывал, подобно Р. Оуэну, с инициативой и реформаторскими преобразованиями «снизу», то есть самими трудящимися. В пропагандируемых им коллективистских (ассоциативных) хозяйственных структурах – фаланстерах можно навсегда исключить основной изъян экономического либерализма «классиков», связанный с тем, что трудящийся не по собственному желанию «оторван от земледельческого труда и промышленного производства»[4].

---

[1] Оуэн Р. Избранные сочинения. Москва-Ленинград. Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. 2. С. 187, 188, 248.

[2] Сен-Симон К. Избранные сочинения. Москва-Ленинград. Издательство Академии наук СССР, 1948. Т. 2. С. 129.

[3] Там же. С. 125–126.

[4] Фурье Ш. Избранные сочинения. Москва. Государственное социально-экономическое издательство, 1939. Т. 2. С. 347.

Подытоживая вышеизложенное, можно заключить, что в период промышленного переворота в экономической науке на протяжении первой половины XIX столетия доминировала классическая политическая экономия. Ее либеральная теоретико-методологическая парадигма сформировалась еще в последней четверти XVIII века с выходом в свет знаменитого «Богатства народов» А. Смита (1776) и получила дальнейшее развитие в течение первой четверти последующего столетия главным образом благодаря сочинениям триумвирата смитианцев Рикардо – Сэй – Мальтус, сводившего, в духе их кумира и учителя, основные предпосылки и механизмы функционирования экономики на принципах laissez faire к неким неотвратимым и объективным экономическим законам.

Оппонентами же и противниками либеральных доктрин «классиков» в постмануфактурном периоде также явились ученые-экономисты англо-французского происхождения. Их творчество положило начало таким новым направлениям экономической мысли, как экономический романтизм и утопический социализм. Характеризуя политическую экономию не как саморегулирующийся (благодаря экономическим законам) механизм, а как моральную и нравственную науку, науку – предназначенную выработать основы социальной направленности экономического развития, приверженцы учения Сисмонди – Прудона, с одной стороны, и Оуэна – Сен-Симона – Фурье, – с другой, существенно расширили горизонты и, так сказать, палитру политико-экономических исследований.

Однако в исследуемом (постмануфактурном) периоде постулаты классической политической экономии (об определяющей роли в хозяйственной жизни института частной собственности, приоритете экономических факторов над неэкономическими и, конечно же, вера во всесильные «законы» экономики и случайный характер экономических кризисов и другие) продолжали еще восприниматься научной общественностью как основополагающие элементы мейнстрима экономической науки той поры.

Одним из таких «неоспоримых» постулатов классической политической экономии исторически явилась уже упоминаемая

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru